
Проблема вида в свете учения о прямом влиянии среды. На изменчивости тетеревиных птиц

Автореферат. 1951.

Александр Федорович Котс

Настоящая работа преследует **тройную** цель:

- a. **Научно-исследовательскую** — изучение проблемы «**вида**» на изменчивости некоторых важнейших наших промысловых птиц, при том, на совершенно уникальном материале, собиравшемся в течение более ста лет, за счет просмотра четверти миллиарда экземпляров.¹
- b. **Музейно-показательную** — желание ознакомить более широкие круги биологов-музейцев, как и вообще любителей природы и людей, причастных к Биологии, с этой единственной по содержанию коллекции.
- c. **Пропагандистскую** — дать представление о научно-художественных богатствах **Дарвиновского Музея**, как крупнейшего в стране хранилища музейных **экспонатов** по изменчивости позвоночных, располагающего сходными собраниями по различнейшим разделам Дарвинизма и его практического приложения — Собаководству, Птицеводству, Охотоведению, Пушно-Меховому промыслу и ряду других.

Предоставляя будущему — выявить в печати и путем музейного показа эти уникальные в Европе вещные научные сокровища, а по разделу, составляющему содержание этой работы — прилагаемому Атласу пятидесяти фототаблиц (охватывающих лишь небольшую часть коллекции..), мы обратимся к сжатому обзору основных фактических и обобщающих итогов предлагаемой работы.

В целях облегчения ориентировки в этих ее выводах, уместно изложить их в следующих трех аспектах:

- I. По линии конкретного фактического содержания.
- II. Со стороны ближайшего его истолкования.
- III. В отношении конечных выводов и обобщающих итогов.

Только в свете этого тройного разделения, лишь разграничивая должным образом возможные пробелы фактов от ошибок в их истолковании, те и другие — от естественных и неизбежных промахов конечных выводов, возможно обеспечить справедливую оценку нашего посильного труда.

Давно задуманный, написан он в течение немногих месяцев (Ноябрь 1950 — Апрель 1951) — достаточный мотив, рассчитывать на снисхождение в отношении несовершенства формы изложения и внутренней архитектоники всего труда.

I. — По линии фактического содержания и данных эмпирического наблюдения.

1. Ядром фактического содержания нашей работы является установление потенциальной множественности нарядов для центрального объекта проведенного исследования — обыкновенного **Тетерева-Косача**

---

¹ С конца 30-ых годов В.Е. **Андреевским** в Петербурге (1836—68), с начала 70-ых до начала настоящего столетия (1872—1909) Ф.К. **Лоренцем** в Москве и с конца прошлого века до настоящего времени — пишушим эти строки.

(*Lyrurus tetrix* L.) констатация примерно **десяти** различных вариантов для самцов, и вдвое большего числа — для самок:

Для самцов:			Для самок:		
1.	Var.	Albiventris	1.	Var.	albiventris
2.	Var.	Lanceolata	2.	Var.	lanceolata
3.	Var.	marginata	3.	Var.	marginata
4.	Var.	fumosa	4.	Var.	flavo-aloicans
5.	Var.	brunnea	5.	Var.	flava
6.	Var.	andalusica	6.	Var.	flavescens
7.	Var.	chalybaea	7.	Var.	ochracea
8.	Var.	albina	8.	Var.	nebulosa
9.	Var.	alba	9.	Var.	pallida
10.	Var.	«splendens» (norma)	10.	Var.	lactea
			11.	Var.	subalbida
			12.	Var.	lineata
			13.	Var.	nigro-ferruginea
			14.	Var.	marmorata
			15.	Var.	opaca
			16.	Var.	fasciata
			17.	Var.	obscura
			18.	Var.	albina
			19.	Var.	alba
			20.	Var.	pseudo-caucasica
			21.	Var.	optima (norma)

Допуская, что не все эти наряды подлинно-исходные, что часть их — «производного» характера (возникшая в итоге скрещивания первых с особями «нормальными»), должно признать, что современная обычная, «нормальная» окраска этих птиц — **только одна из множества других, потенциально им присущих.**

2. Это явление «Множественной Вариации» (Plurivariatio) оперения Тетерева находит параллель в явлении «Тожественной Вариации», выражающейся в том, что сходные, аналогичные наряды (Var. alba, chalybaea, ochracea, pallida) также изредка и спорадично наблюдаются у родичей нашего Тетерева — у Глухарей, у Рябчиков и лишь весьма частично на отдельных перышках на зимнем оперении Белых Куропаток (Var. lanceolata).
3. Сходные варианты оперения возможно констатировать и за пределами тетеревиного семейства, именно среди фазановых, при том не только для обыкновенного фазана (что давно известно..), но и для домашних кур, особенно так наз. «декоративных» рас, масти которых, то всецело (как у «голубых» Гуданов и у Андалузов) точно повторяют соответствующие варианты Тетерева (Varietas Chalybaea), то на отдельных партиях их оперения, позволяя провести бесспорнейшую параллель изменчивости птиц различных двух семейств: **Tetraonidae — Phasianidae.**
4. Онтогенетически эти вариации окрасок («Вариететы») могут возникать двояким образом, то с ювенильного наряда (Var. chalybaea, alba), то лишь по смене молодого оперения на взрослое, с заменой нормального — вариантным.
5. Констатация различной стойкости отдельных вариантов, то весьма стабильных, то лишь временных, сменяемых нормальным оперением при дальнейших линьках.

6. Установление для части вариететов — состояний переходных, помогающих связать их с оперением нормальных птиц.
7. Условность точного разграничения «вариететов» от других двух типов спорадических нелокальных уклонений: «Морф» и «аббераций», при нередком совмещении их черт на той же особи.

Нетрудно видеть, что по ряду свойств изменчивость по типу «вариететов» приближается к отдельным признакам и свойствам видového ранга, этим самым наводя на мысли о значении и роли вариететов для решения «видовой проблемы».

Утверждает нас в этом суждении ряд фактов положительного свойства:

- a. Ряд признаков, или отличий видového ранга, как характер разрисовки нижних кроющих хвоста и общего узора оперения кавказской тетережки — *Lyrurus Mlokosiewiczzi* Tacz. можно найти у некоторых вариететов северной тетережки, именно *V. ораса* и *V. pseudo-caucasica*, самим названием переключаящейся с оперением ее миниатюрной родственницы на Кавказе.
- b. Не в пример чистейшим альбиносам и близким к ним вариететам (*V. chalybaea*) значительное большинство всех прочих вариететов (что относится и к самкам) не показывает никаких следов пониженной витальности, размерами и складом тела, блеском и структурой оперения ничем не уступая особям, нормальным по окраске.

Таковы конкретные, фактические данные, к которым привело детальное исследование личной внутривидовой и не локализованной изменчивости Тетерева-Косача и некоторых ближайших его родичей.

II. — И, как ни скромны эти эмпирические данные, они оправдывают ряд ближайших выводов и обобщений. 1. — Всего прежде констатацию давно известного, но часто забываемого факта, что действительный размах, диапазон изменчивости живых существ зависит от количественных показателей исследуемых особей.

Основанный на более, чем столетних сборах и просмотре четверти миллиарда особей, нормальных по окраске, наш наличный материал отчасти отвечает этому условию.

Лишь, оперируя с почти астрономическими цифрами обследованных особей, возможным оказалось развенчать конкретно мнимую стабильность хорошо известной птицы, показать, что наблюдаемый обычно у нее наряд — только один из множества других, потенциально ей присущих.

И естественно спросить: Эта каскада необычных красок и узоров оперения у той же птицы, вскрытая так неожиданно при ее массовом изучении — эти десятки новых и причудливых нарядов, — как их расценивать при свете эволюционного учения, в аспекте «видовой проблемы»?

Всего прежде — с точки зрения вопроса о «скачках» в Природе.

Хорошо известно более, чем сдержанное отношение **Дарвина** к этому типу изменений при писании им «Происхождения Видов» (не в пример гораздо большему признанию «скачков» в первых набросках этой книги в 1842—44 гг.)

И, однако, как не относиться к этим «качественным сдвигам» и «Прорывам постепенности» (**В. Ленин**) — с точки зрения объема и размеров их участия в процессе эволюции — спонтанное происхождение десятков вариететов, нами приведенных, явно подтверждает самый факт этих «скачков», безотносительно к тому, какую роль приходится им приписать в процессе видоформования.

Но даже независимо от этой роли, изучение вариететов может быть оправдано с различных точек зрения, а именно:

- A. **Проблемы органических приспособлений**, в частности явления «защитной окраски», полового диморфизма, и
- B. **Проблемы факторов эволюции**, в двух основных ее аспектов, принципов «Подбора» и учения о Прямом влиянии среды.

По каждой из обеих приведенных здесь проблем и каждому ее разделу дознанная нами «многомастность» оперения общеизвестной птицы призвана сказать свое, отличное от общепринятого, слово.

Мы начнем с проблемы «Защитной окраски».

Хорошо известно, каким «камнем преткновения» для нее является заметный издали черный, сверкающий наряд нашего тетерева-косача, столь непохожий на критическое пестрое, рябое оперение самки.

Но и там, и здесь, как в отношении тусклого пера тетерек, так и яркого у тетерева, скрытые потенциальные наряды этих птиц невольно заставляют нас по новому расценивать нормальные их одеяния.

Так, всего прежде, установленные нами варианты говорят о том, что из десятка разных оперений, свойственных потенциально Тетереву-косачу, освоена им черная лишь потому, что именно она, эта заведомо неадаптивная окраска, оказалась связана с предельно адаптивным оперением самок, и что всякая другая комбинация нарядов оказалась бы гораздо менее удачной.

И действительно, не говоря о явно «антиадаптивных» вариантах типа альбиносов или альбиноидов, можно уверенно сказать, что даже относительно приемлемые в отношении «криптичности» окраски косачей, как «дымчатая», «ржаво-охристая», «бурая» и «андалузская» не в состоянии были бы упрочиться лишь потому, что соответствующие им наряды самок, «охристые», «рыжие» и «палевые» все заведомо неадаптивны, некриптичны.

Но и в отношении самок факт наличия помимо свойственного ей нормально пестрого наряда, двадцати других, из коих часть не менее «криптична» — заставляет нас отчасти изменять наш взгляд на ход и модус закрепления этого нормального наряда.

Оставляя за собой вернуться к этому вопросу, обратимся ко второму пункту разбираемой проблемы, к «половому диморфизму».

Как совсем по разному рисуется нам этот диморфизм птиц в зависимости от того, считать ли траурный наряд самцов и пестрое, рябое оперение самок за **единственные** им присущие, или, согласно установленному нами, только, как одну из многих комбинаций, свойственных потенциально тем же птицам.

Мы не говорим уже об отведении — (лишний, чтобы не сказать «излишний» раз! —) идеи телеологичности в истолковании эффектного «нормального» наряда косачей, ибо, на деле, оказавшегося лишь одним из множества других и частью, всего менее эффективных.

Окончательно становится на свое место подлинно здоровое ядро, таящееся в «Половом подборе», как принципе, регулирующем только силу, темперамент, чуткость, боевой задор токующих пернатых «дуэлянтов» и «соперников», и всего менее — их черные наряды, им насильственно навязанные ради пестрого наряда самок. Можно с полной уверенностью утверждать, что если бы не интересы самок, их потребность в защитной окраске, — всякое другое оперение петухов (за вычетом быть может альбиноидов и альбиносов!) — оказалось бы не менее «оправданным» для «эстетизма» самок.

Из изложенного явствует, что самый факт потенциального многообразия нарядов тетерева-косача, самцов и самок, отражается на целом ряде мыслей и оценок, взглядов и теорий, даже независимо от более глубокого анализа понятия «Вариетета», от истолкования его природы и происхождения.

Но тем уместнее коснуться этого вопроса, подводящего вплотную к самым жгучим, актуальнейшим проблемам Дарвинизма в понимании его советскими учеными.

И в самом деле. Каково бы ни было участие отдельных вариантов в **историческом** процессе видоформования — вопрос о подлинных причинах, или факторах этих спонтанных изменений может быть решающим для понимания идеи эволюции.

Допустим, что все эти варианты — чисто эндогенного происхождения, и мы сблизимся с позицией генетиков формальной школы с их концепцией «генотипических задатков», независимых от окружающей среды.

Иное дело, если, стоя на платформе нынешней советской биологии, мы попытаемся связать природу вариантов с внешними условиями жизни, т.е. в свете целостного понимания среды и организма.

Говоря иначе: на вопросе о природе «варietetов», или близких им примеров редкой, резкой и спонтанной внутривидовой изменчивости организмов, отражается, как в фокусе, как в призме, основное расхождение двух главных направлений эволюционного учения.

Итак: вопрос о генезисе варietetов.

В поисках ответа мы не можем, — к сожалению — сослаться ни на данные эксперимента, ни прямые наблюдения на воле, по причинам, хорошо понятным: колоссальной редкости нас занимающих объектов. Никому из орнитологов доселе не дано было пронаблюдать в природе косачей, или тетерек с варietetным оперением, еще менее — поставить опыты по содержанию их в неволе. При таких условиях мы вынуждены опереться на отрывочные данные, касающиеся других отрядов птиц и всего более на заключения по аналогии.

- i. В пользу **эндогенного** происхождения говорит, конечно, близость варietetов к «морфам», т.е. отклонениям окраски, разделяющим спонтанность, спорадичность настоящих варietetов, но с намеком на известную локализацию. Отличной иллюстрацией таких полулокализованных варietetов представляет «Темнобрюхий Рябчик», не случайно выдвинутый в свое время (1880) в качестве самостоятельного «Вида».

Интереснее другое: близость «морф» к так называемым «диморфным видам», к «видовому диморфизму», или, правильнее говоря, «дихроматизму» некоторых птиц. (Достаточно напомнить о дихроматичных цаплях и подорликах).

Поскольку же для популяции диморфных видов внешняя среда, или условия существования одни и те же и не могут обусловить разницу в окраске ее членов независимо от пола и от возраста, естественно этот акцент на внутренние факторы перенести и на дихроматизм или полихроматизм, спорадично наблюдаемый у тетеревиных птиц.

Как это, так и самый факт встречаемости сходных варietetов тех же птиц под разными широтами — на необъятном протяжении распространения тетеревиных птиц от Англии и до Амура и при том среди громаднейшего большинства нормальных по окраске птиц — свидетельствует также в пользу эндогенных факторов.

- ii. Казалось бы, что при наличии подобных аргументов, доводам обратным, в пользу **экзогенных** факторов, не остается места.

Но на деле это далеко не так, хотя для привлечения этих последних, т.е. доводов в защиту внешних факторов, приходится начать издалика.

Мы разумею ту страницу нашего исследования, где мы пытались сопоставить варietetы у тетеревов с породами домашних кур, стараясь показать, что ряд окрасок и узоров, находимых у последних, соответствует, частично, или полностью, редчайшим варietetам у тетеревиных птиц.

Этот попутно сделанный экскурс за грани нашей основной тематики в действительности призван навести на должное решение вопроса о природе диких варietetов.

И действительно. Как, каким образом произошли эти последние на воле — мы не знаем, а на основании изложенного выше, именно малодоступности для наблюдения на воле и в условиях эксперимента этих аномальных птиц, — мы непосредственно от них и в будущем узнать не сможем: спорадически разбросанные в виде единичных и редчайших особей среди миллионов их нормальных родичей, они, эти цветистые варианты оперения общеизвестной птицы, сохраняют упорно тайну своего происхождения.

Попробуем же подойти к ее разгадке через область, более доступную для наблюдения и логики, воспользовавшись отзвуком вариантов оперения диких птиц на таковом их прирученных родичей, — домашних кур.

Достаточно спросить: Откуда, каким образом произошло разнообразие узоров и окрасок **их** нарядов, повторяющих отчасти отклонения наряда тетерева-Косача?

Нельзя ли думать, что познав причины появления первых, мы тем самым разгадаем и причины выявления вторых?

В поисках ответа на вопрос, нам всего прежде нужно отвести одно формалистическое объяснение, отчасти, правда, узаконенное всей дарвинистической литературой.

Мы имеем здесь ввиду обычную и общепринятую ссылку на предполагаемую адекватную изменчивость былого предка наших кур, именно дикого банкивца, *Gallus ferrugineus*, допущение, что изменчивость последнего дала начало многомастности его потомков, оперению домашних кур.

Подобным образом, привыкли объяснять многообразие мастей всех прочих одомашненных животных, молчаливо полагая, что подобное разнообразие окрасок было свойственно и их былым родоначальникам, и что задача человека, их когда-то приручившего, сводилась к выбору из дикой популяции желательных или полезных уклонений.

Такова обычная аргументация по этому вопросу, не смотря на то, что столь обильная изменчивость животных диких, принимаемых за родичей домашних, до сих пор никем не наблюдалась. Априорно-умозрительно она, эта изменчивость, приписывалась диким предкам одомашненных животных в направлении последних.

И легко понять, что произвольность этого суждения проходила безнаказанно лишь потому, что об изменчивости «дикого банкивца» ничего реально не было известно.

Но не то сейчас, когда по аналогии с тетеревами, следует признать, что «варietetная изменчивость» банкивца протекает несомненно в том же приблизительно диапазоне, как и у тетеревиных птиц, т.е. в виде редчайших «выродков», примерно, одного «варианта» на десятки или сотни тысяч птиц, нормальных по окраске.

Думать, что при этой диспропорции нормальных птиц и аномальных, первобытный человек-охотник смог найти, поймать и приручить, и вырастить этих редчайших аномальных особей — нет никакого основания, а примененное к менее стадным формам одомашненных животных и предполагаемым их диким предкам (будь то дикого «тура», муфлона, волка, дикой кошки, или дикого коня-джунгарца..) — сходное же рассуждение еще абстрактнее и произвольнее.²

Короче: факт наличия среди тетеревиных птиц редчайших цветовых вариаций заставляет думать, что подобные же вариететы свойственны сейчас (как были свойственны и ранее..) дикому банкивцу, подтверждая этим самым априорно-дедуктивное приписывание ему изменчивости в направлении таковой наших домашних кур.

Но частота, процент изменчивости дикого банкивца — и опять по аналогии с тетеревами — таковы, т.е. настолько незначительны, и шансы на добычу, сохранение и выживание таких редчайших вариететов так ничтожны — что, базируясь на них, пытаться объяснить многообразие пера домашних кур — возможно только, исходя из априорных доводов и рассуждений.

Но ведь, если так, если попытка вывести вариации пера домашних кур из диких вариететов дикого банкивца — иллюзорна, то нам остается лишь второе допущение: принятие **вторичного** происхождения разнообразия пера домашних кур по типу вариететов дикого банкивца, но не прямо от него, а в ходе самого процесса приручения, в условиях одомашнения и как следствие, как отзвук этого последнего.

Иначе говоря: сложилась многомастность кур не потому, что первобытный человек когда-то нарочито выбирал среди им пойманных банкивцев особей того или иного вариетета, чтобы развести от них домашних кур с таким же оперением, но потому, что среди пойманных банкивских кур с обычным оперением, вернее их потомков, стали возникать различные его варианты в результате резких изменений внешних окружающих условий, в ходе самого одомашнения.

Но, если так, если вариации окрасок наших кур — явление вторичное и индуцировано факторами внешнего порядка, именно влиянием среды, то, пользуясь обратной аналогией, мы в праве заключить, что и аналогичные вариации тетеревиных птиц зависят также от «среды», от тех, или иных, пусть ближе временно нам неизвестных экзогенных стимулов, на базе и в обнаружение наследственных потенциальных пигментарных данных.

---

² Да будет нам позволено — ценою отступления от тематики нашей работы — здесь отметить, что за время четырех десятков лет и пересмотра нескольких десятков тысяч волчьих шкур со всех концов России, автору ни разу не попала шкура волка белой масти, столь обычной для собак, а среди дюжины черных волков, имеющихся в **Дарвиновском Музее**, нет ни одного, который не внушал бы веского сомнения в чистокровности, т.е. гибридизации с собакой.

Такова двойная аналогия и двуединый путь и способ умозаключений:

От реально наблюдаемой изменчивости **тетеревиных** птиц к реальной же изменчивости оперения домашних кур.

От наблюдаемой реально многомастности домашних кур к предполагаемой аналогичной дикого банкивца.

От причин изменчивости кур домашних — к пониманию причин изменчивости (вариететов) у **тетеревиных птиц**.

Как ни искусственно все это построение — оно логически неуязвимо и находит подтверждение в истории происхождений многомастности целого ряда одомашненных и полудомашненных животных от лохматых яков до волнистых попугайчиков.

И пусть не скажут нам: фактические, подлинные стимулы, приведшие к многообразию нарядов одомашненных животных, остаются нераскрытыми..

Мы отвечаем: констатация самого факта повышения варьирования животных лишь в условиях одомашнения, признание этих условий (пусть на время неразгаданных!) — представляется, как позитивный довод в пользу допущения подобного воздействия аналогичных **внешних** факторов (пусть ближе нераскрытых!) и на появлении сходных вариететов у животных диких, под открытым небом.

Таковы мотивы, побуждающие нас (отчасти корректируя былые взгляды автора..) признать за внешними условиями окружающей среды существенную роль в образовании вариететов, как частичных компонентов сложного процесса видоформования.

Гораздо менее пригодны в тех же целях два других раздела нашего исследования, в частности, глава работы, посвященная явлению полового диморфизма.

Но оправданная всего прежде своим вещным содержанием, наше уникальное собрание «телиидных» и «арреноидных» птиц отчасти все же доставляет косвенно поддержку защищаемым воззрениям.

Здесь достаточно напомнить отмечавшуюся в свое время **Лоренцем** зависимость окраски самочки-тетерки от условий гнездования, факт потемнения у холостых тетерек оперения брюшка, как первой стадии «птухоперости».

А, зная тесную зависимость активизации всей сексуальной сферы от наличия внешних условий гнездования (— что особенно доказано на птицах, содержащихся в неволе и готовых к спариванию только при наличии «гнездопригодной обстановки») т.е. стимулов внешнего порядка, — можно без труда и здесь связать три элемента: внешний облик, половую функцию и внешнюю среду, в единое и гармоническое целое, хотя бы только для начальных стадий этой связи.

Несравненно более оправдано и благодарно для познания значения и роли внешних факторов в процессе видоформования — изучение **географической** изменчивости основных локальных рас тетеревиных птиц, и, в частности, анализ хорошо известного, но мало оцененного в литературе факта: приуроченности нашего степного тетерева (*L. t. viridanus* Lor.) к **чернозему**.

Представляя относительно нечастый в зоологии пример конкретизации понятия «среды» и ее связанности с рядом признаков (оттенок металлического блеска косача, размеры белой крыловой полоски) этот «черноземный» тетерев дает нам редкую возможность разграничить сферы приложимости двух основных руководящих факторов в процессе видоформования: роль «Среды» и роль «Естественного подбора».

Не в пример таким бесспорно адаптивным признакам, как посветление наряда самок (применительно к открытой тусклой выжженной ковыльной степи..) и в возникновении которого участвовали вероятно оба фактора, — указанные два другие свойства оперения степного тетерева, именно зеленоватый блеск пера самцов и ширина, размеры белой крыловой полоски у обоих полов — как черты витально-безразличные, могли сложиться лишь под действием среды, и в данном случае, под влиянием черноземной почвы.

Интересный по себе, этот пример реальной связи признака с конкретной понимаемой средой (а не в суммарной и абстрактной ничего не говорящей форме!) поучителен еще и потому, что позволяет подойти к вопросу об устойчивости признаков, рождаемых прямым воздействием среды.

Именно так всего уместнее расценивать тот любопытный факт, что обитающая в уссурийском крае форма косача (*L. t. ussuriensis*, Kohts), сочетая в наивысшей мере признаки степного, именно зеленоватый блеск и ширину, размеры белой крыловой полоски с темным оперением самок, **обитает в области, лишенной чернозема.**

Перед нами — словно проведенный силами самой природы опыт: расселение степного тетерева с черноземной своей родины в нечерноземные места Приморской Области при сохранении «черноземного наряда», — редкий случай, позволяющий с большою долей вероятности усматривать на нем прямое доказательство устойчивости благоприобретенных отличий и по прекращении действия причин, их породивших.

Вместе взятые изложенные факты побуждают нас со всей определенностью усматривать в них подтверждение истинности разделяемой Советскими биологами основного убеждения в решающей громадной роли жизненных условий и значения «среды» в процессе эволюции живых существ, в процессе видоформования.

От Теории «Среды» к Теории «Отбора».

Возвращаясь к основной, исходной базе нашего труда, естественно спросить: Эти описанные нами цветковые варианты, в какой мере согласуются, или, наоборот, несозвучны они дарвиновой концепции о роли и значении Естественного Подбора, как главнейшего, решающего фактора изменчивости организмов?

Можно без труда предвидеть, что и на решении этого вопроса установленная нами многомастность наших птиц не остается без влияния, правда, только в подтверждение того, что вытекало из изложенного выше о значении внешних факторов в изменчивости организмов.

Всего прежде должно указать, что констатация столь резких вариантных отклонений в оперении у беззащитных птиц совсем не вяжется с началом утилитаризма в той шаржированной степени, которая отстаивалась **Вейсманном** и его школой.

В самом деле. При наличии столь резких и порой заведомо неадаптивных отклонений, как они присущи доброй половине вариантов наших промысловых птиц — приписывать витальное значение тончайшей индивидуальной разнице в окраске, тоне и узоре их нормального наряда — нет ни тени основания.

Там, где успешно выжили до рокового выстрела, или силка, многие сотни птиц (при том не только молодых..) в самых причудливых нарядах, — там ничтожные вариации в окраске у «нормальных» птиц едва ли отразятся на успехах выживаемости в жизненной борьбе.

Всё говорит за то, что, как спонтанно возникают спорадические цветковые варианты, также «качественными сдвигами», спонтанно, а не «крохоборчески- ползуче», медленно и постепенно нарастают видовые признаки, ныне присущие нормальным особям того, или иного «вида».

Здесь достаточно напомнить об отдельных свойствах некоторых вариантов (темное подхвостье у *Var. oраса*, тонкую узорчатость пера *V. pseudo-caucasica* созвучно оперению кавказской), — словно пересаженных от птиц нормальных, но совсем другого вида.

Хорошо известно, что в такой переоценке адаптивности отдельных видовых отличий и в недооценке фактора «Среды» таится основной порок всех «ультра- дарвинистов»: увлечение принципом утилитаризма, побуждающим смотреть на всю природу и вселенную глазами **Бакуэлля, Бэнтама и Мальгуса**, ища в любом загибе перышка, или детали тона и характере пестринок — выражение пользы в самом грубом и антропоморфичном смысле слова.

Невозможно отрицать, что часть ответственности за внесение в понимание природы элементов антропоморфизма возложить приходится на **Дарвина**, не различавшего в своей великой аналогии между природным и искусственным подбором два различных управляющих момента этого последнего: моменты подлинной реальной пользы и моменты прихоти и спорта.

Но перенесенное со скотного двора и птичника на обитателей приволья, это неразграничение двух разных целеустановок человеческого обихода оказалось роковым, принудив **Дарвина** отстаивать возведенную им аналогию за грани доказуемого и реального.

Так, возвращаясь еще раз к этой каскаде вариететных признаков, таящихся за мнимой однородностью общеизвестных птиц, полезно еще раз конкретно сопоставить многоцветность этих обитателей лесов и многомастность обитателей наших вольер и птичников.

Можно уверенно сказать, что если в отношении «продуктивных», т.е. подлинно полезных признаков и свойств, будь то массивность, рослость, яйценоскость, аналогия Искусственного и природного Подбора сохраняет свою силу, то по линии «спортивного подбора», наращивания декоративных признаков (будь то детали формы, или постановки гребня, очертания «сережек», цвета глаза, четкости узора и оттенка оперения) — мы тщетно стали бы искать в природе адекватного, аналогичного процесса.

Мы едва ли ошибемся, заявив, что в разбираемом примере, индивидуальные вариации в окраске и рисунке диких форм грубее, шире, безответственнее тех, которые доселе допускаются на Птицеводных Выставках. Можно без риска преувеличения сказать, что куры, столь же мало выдержанные по цвету и узору оперения, как наша средне-русская тетерька — были бы объявлены породой, еще не установившейся, не отвечающей «стандарту», и изъяты, сняты с экспертизы.

Проще и парадоксальнее: Неизмеримо уступая вообще Природе и ее могуществу, искусство человека в деле выведения декоративных рас животных и растений превосходит требования природы, культивируя, ценя и закрепляя столь ничтожные, субтильные отличия, черты и признаки, которые в естественных условиях биологически нейтральны и не подлежат учету.

Утверждать обратное, пристегивать к любому признаку, любой детали оперения «ярлык полезности» — возможно только, стоя на платформе «Вейсманизма», априорно — отрицающей всякую роль «среды» в процессе изменчивости видов.

Между тем, бесспорнейшее преимущество «Теории Среды» над **Дарвиновой** Теорией Подбора в том и заключается, что наряду со свойствами полезными (как, в отношении тетеревиных птиц — густое оперение, опушенность лап, развитие роговых бахромок пальцев..) этому воздействию ее обязано происхождением и множество нейтральных признаков, по отношению к которым Дарвинова Теория Подбора выдвигает жесткую альтернативу: быть полезным самому, или связаться с чем либо полезным, чтобы под его защитой, или маской, удержаться в жизненной борьбе.

Уместно думать, что изложенное выше о многообразии узоров и окрасок оперения тетеревиных птиц достаточно вскрывает всю искусственность этой надуманной антиномии.

Но о том же говорит последняя глава нашей работы, посвященная «гибридам».

Ограниченное, к сожалению, и неизбежно лишь примерами **межродовых** гибридов, наше уникальное собрание помесей тетеревиных птиц не позволяет быть использованным по вопросу о значении естественной, т.е. на воле протекающей гибридизации, в процессе видоформования. И это не смотря на то, что в области искусственной гибридизации, под властью человека, именно Советская наука, вдохновляемая гением **Мичурина**, раскрыла новые пути и цели в области создания новых комбинационных форм межродовых гибридов.

Тем уместнее отметить любопытное перекликанье некоторых признаков межродовых гибридов с таковыми оперения нормальных особей других родов и видов.

Здесь достаточно напомнить черно-фиолетовые перевязи на груди самца нашей Дикуши (*Falci pennis falci pennis*), или неарктического *Capachites*, так упорно возникающие у гибридов Рябчика и Тетерева, или Тетерева и Белой Куропатки.

Но как эти редкие гибриды у тетеревиных птиц ни мало не страдают от своих «непредусмотренных подбором» мозаических нарядов; как причудливый пурпурно-фиолетовый наряд обыкновенных «межняков»³, — гибридов тетерева и глухаря, не менее «приспособлен», чем наряды двух последних птиц, — так и громаднейшее большинство всех видовых и родовых отличий оперения лишено витального значения, за вычетом тех случаев, когда особые и специфичные условия «ландшафта» (напр. «степного» и «пустынного») определяют общую окраску фауны в целом, но при этом далеко за грани видового, или родового ранга, и под непосредственным решающим, прямым влиянием среды.

---

³ хотя и погибающих обычно преждевременно, но в силу ряда органических несовершенств: отмеченного **Лоренцем** патологического размягчения костей и затруднений линьки взрослой птицы.

Но окончательно нас убеждает в этом безнадежность замещения отстаиваемой здесь концепции идеей «Внутривидовой» борьбы и соответствующего подбора, на глазах у нас разоблаченной полностью трудами Академика **Лысенко**.

Созданная в свое время не в итоге опыта и эмпирического наблюдения, но в порядке априорно-дедуктивно-умозрительного домысла, на базе легковесной аналогии с превратно понятыми фактами людского быта, это злополучное учение о «внутривидовой борьбе» вскрывает свою полную надуманность при первой же попытке применить его к конкретным случаям, наглядно проецировать его на частные примеры той или иной реальной популяции.

Из трех слагаемых моментов, специфических для видовых комплексов, трех главнейших атрибутов «**вида**», именно:

Отсутствие связующих и переходных форм,
Пониженная плодовитость внутривидовых гибридов,
Малая связанность с локальным фактором,
из всей этой триады ни один не поддается объяснению «Внутривидовым Подбором» и в порядке медленного, мозаического нарастания.

Все говорит за то, что как спонтанно-целостно слагаются и ныне на глазах у нас ярчайшие, разнообразнейшие вариететы, также целостно слагались и указанные три главнейших атрибута **вида**: обособленность морфологическая, половая и локальная. Из них последняя должна считаться наиболее исходной и решающей, согласно хорошо известному воззрению **Энгельса**, его учению об «Эволюции без Мальтузианства».

В свете этого Советского, **не** «Мальтусовского» Дарвинизма, и писалась настоящая работа.